

Орис ЯШКУРОВА

Орис Яшкурова – член Союза писателей Казахстана. Её поэтическое дарование и мастерство прозаика ярко раскрыты в сборниках стихотворений «Сексеуілдің шоғы», «Қараша қаздың қаңқылы», сборнике сатирических рассказов «Шенеунікше тактика». Рассказы «Боямасыз өмір», «Ескі қоныстағы ел», детектив «Жіп тұзақ» получили хорошую оценку соратников по перу и читателя. Редакция сердечно поздравляет нашего автора с 75-летием, желает здоровья, благополучия и новых творческих успехов!

НЕУДОБНО ПОЛУЧИЛОСЬ...

В нашем ауле живет старушка, которую все зовут Керимбике, а как назвали её при рождении, уже никто и не помнит. Этим именем – «Дивная красавица» прозвали её ещё в юности, в противовес её истинной природе, потому что про Керимбике совсем не скажешь, что она миловидная, обходительная и сдержанная. Всё наоборот.

Говорит она быстро-быстро, понял ты её, не понял – ей всё равно, лишь бы самой выговориться. Если не расслышал, то это твоя беда. Она тебе повторно не скажет. Потому как сама забывает, о чём только что рассказывала, и тебя же начнет ругать. Скажет как отрежет: «Надо было слушать, когда рассказывала. Какие же они!.. И сама уже забыла, о чём говорила!» И всё. Хочет, чтобы и другие говорили так же быстро, как она. Когда начинают о чём-то говорить, она торопит собеседника: «Да говори же быстрее! Что тянешь резину, что было дальше?..»

Ростом она невысока, и сложения соответствующего. Есть у нее маленькие галоши к маленьким ичигам. Ходит всегда подтянутой, собранной и аккуратной. Бабушка эта – самый настоящий скороход. Если будешь следовать за ней, придется нестись, иначе не догонишь. В молодости муж её незабвенный всегда шутил: «Тебе надо было быть скакуном для скачек, нежели мне женой».

У старушки семеро сыновей и шесть дочерей. Муж её скончался после рождения последней дочери, и она одна поднимала детей.

– Родила тринадцать детей, данных Богом. Все живы, ни одного не потеряла. Все растут перед моими глазами. Слава Аллаху! – часто говорила она.

Керимбике никогда не принуждала детей учиться, но все они выучились, получили высшее образование, и все занимают сейчас хорошие должности в Алматы, Кокшетау, Астане, Атырау, Талдыкоргане, Костане, Усть-Каменогорске. Сама Керимбике живет в Кентау вместе с младшим сыном. Хотя, живет – это громко сказано. Все двенадцать месяцев в году она разъезжает по детям. У каждого ребенка поживёт с полмесяца-месяц, и дальше едет, так и кружит, словно стрелка часов. Сельчане называют её «самая счастливая бабушка», потому как она ни разу не жаловалась, что болеет. Всег-

да бодрая, энергичная. И глаза видят, и уши слышат. Если бы сноха позволила, то она сама бы всем хозяйством управляла и за скотом ухаживала.

Вернулась она к сыну в Кентау. Родня и соседи, прослышав, что она приезжает, собрались у них дома и, потеряв терпение, вышли встречать её во двор. У ворот остановился чёрный «Мерседес».

– О боже, аже, в этот раз вы долго отсутствовали, более двух месяцев. Мы уже успели соскучиться.

Все её окружили, обнимали и целовали.

– Так я же из Астаны улетела прямо в Актау к дочери. Там свату шестьдесят лет исполнилось, большой той делали.

– Э-э, сейчас аже нам всё расскажет о тех краях.

Не успев переступить порог дома, соседки подстрекают старушку к разговору, а сами предвкушают чай со сладостями.

– Что там говорить, везде по-разному живут. Много повидала, всё расскажу. Эй, а где Жаннета – хозяйка этого дома, что же она не вышла встретить? – остановила их Керимбике, а сама стала искать глазами свою сноху.

Та вмиг вынырнула перед ней:

– Апа, я же первая вас поцеловала, когда вы из машины вышли. Потом уступила очередь другим, а сама пошла дастархан накрывать.

– А-а, жеребеночек мой, всё ли у тебя хорошо, как здоровье? Отелилась ли корова? – ухватилась за неё старушка.

– Отелилась, апа, отелилась. Сейчас сливки будете кушать, сладкие, как мёд...

Но Керимбике не даёт ей договорить и уже спрашивает про внуков:

– Где Айсауле, где Адилет? – Она от всех детей всех внуков по именам помнила, никогда их не путала.

– Они в школе, в первую смену учатся. Хотели не пойти – «сегодня же аже приедет», да я не разрешила.

А гости уже бабушку к дастархану под руки ведут, на почётное место усаживают и сами рассаживаются.

Не прошло и недели с возвращения Керимбике аже домой, как пришло известие от сына из Костаная – едут сватать его старшую дочь.

– Апа, из Шымкента прямо до Костаная скорый поезд идёт. Если сядете сегодня утром, завтра будете у нас, – сын настаивал на её приезде, – ведь это будущие сваты, что мы скажем...

– Ладно, поехала я. Посмотрю, к каким людям пойдёт моя внученька Асемкуль, – и старушка опять собралась в дорогу, и опять её все провожали.

На третий день из Костаная пришла весть:

– Сегодня ночью наша апа ушла из жизни... Готовьтесь проводить её в мир иной...

«Ой-бай, апашым-ай», – заголосили сноха и внучки. Печальная новость ушла в люди: родственники, сваты, соседи начали оплакивать умершую, дети из других городов направились в Кентау.

Костанайская сноха рассказала, как всё было. Бабушка Керимбике хорошо посидела с новыми родственниками, которые приехали сватать внучку. На здоровье не жаловалась, легла рано. До обеда следующего дня в ее комнате было тихо. Когда сноха пошла приглашать на чай, она, казалось, безмя-

тежно спала. Но почему-то не наблюдалось дыхание... Сын и сноха очень испугались. Вызвали скорую.

Приехал врач с медсестрой и с целым ящиком препаратов. Он и так и сяк послушал ее. Померил давление, проверил пульс. Тишина. Между делом расспрашивал, что ела вчера, что пила, сколько ей лет.

– Клиническая смерть, – подтвердил врач, качая головой, – наступила около пяти утра.

И всё.

В Костаное сразу арендовали фургон, погрузились и выехали. Проехали километров двести, и здесь их остановили сотрудники ГАИ. Всё честь по чести – ваши документы, как самочувствие, куда едем. Они им ответили, так и так, едем в Кентау. Дальше спросили, какой груз в машине, документы на него.

– Ой-бай, это не груз, там лежит моя мать. Скончалась она. Очень спешим.

– Пусть будет так, – говорят сотрудники ГАИ. – Но должны быть документы. Для начала покажите удостоверение личности матери...

Сын растерялся, не зная, где удостоверение матери. Нашли. Оказалось в кармане снохи.

– А где же справка о кончине Хусни Бахадуркызы?

– Ой-й, милый, это же на самом деле моя мать. Скончалась неожиданно...

Приезжала к нам в гости в Костанай... Теперь везем домой... Неужели не понимаете? Мы же все казахи, зачем надо останавливать в дороге усопшего... проверять...

– Казахи, не казахи... какое здесь имеет значение национальность... на дороге должен быть порядок, уважаемый. Надо было взять с собой справку о смерти от врача. Я не могу вас пропустить. Вдруг человек умер по-другому, насильственной смертью... Те, кто связаны с криминалом, всегда спешат, подобно вам, – сотрудники ГАИ стали разговаривать на повышенных тонах. – Всё равно по пути вас будут проверять и требовать такой же документ.

– Ой-бай, боже ты мой, что же теперь делать?

Они вернулись обратно. Утром поехали в местную больницу, а там говорят – мы не можем дать справку о смерти.

– Где история ее болезни? Она не зарегистрирована в этом городе, а нужна справка участкового врача. Мы её ни разу не обследовали. Как мы можем записать в журнале регистрации, что она скончалась? Нет-нет!

– Вчера ведь скорая помощь приезжала, врач её осматривал и сказал, что умерла.

– Тогда вы должны поехать на станцию скорой помощи и взять у того врача заключение о смерти, – подсказала одна из медсестер.

Машина с усопшей старушкой через весь город поехала в указанное место. Рассказали главному о случившемся, попросили дать справку о смерти. Через полчаса вышел другой врач, и сказал, что врач, который был у них вчера, уехал в командировку, а он даст справку только после осмотра, и попросил занести тело усопшей.

Жена быстро смекнула, как избежать непредвиденной задержки.

– Это же север, они не отступят от своего. Но кто не любит брать? Давай положим двести долларов ему в карман?

Муж побежал за этим врачом, и ещё через полчаса им вручили нужную бумагу с печатью.

Пока они возились в Костаная с этим клочком бумаги, брат из Кентау звонил и докладывал, что делают они.

– Где вы едете? Мулла говорит, если приедут сегодня вечером, хоронить будем завтра утром. Сегодня получили место на кладбище, определили, где будет похоронена апа. Всё подготовлено. Режут скот для поминок. Мы все здесь уже собрались. Заказали два кафе на 700 человек...

Они кратко, не вдаваясь в подробности, отчитались о своих делах – до сих пор в Костаная. Выехали в дорогу, остановило ГАИ, вернулись обратно. Оказывается, надо было взять справку о смерти матери. Из-за этого задерживаемся. Только выезжаем...

– Как это, только? И когда же вы теперь приедете? – с той стороны слышался растерянный голос младшего брата.

– Боже мой, до сих пор, оказывается, не выехали... Где Костанай, где Кентау?.. Скорее всего, не успеем завтра вынести тело, – обсуждали аксакалы в Кентау, неспешно угощаясь поминальным чаем.

Хотя тело матери еще не привезли, дочери оплакивали её, причитая и обвиняя пришедших выразить соболезнование людям. Одна из дочерей причитала: «Милая моя мамочка, жаль, что не смогла быть рядом в твой последний час». Тут же голосили снохи: «Мудрая ты наша апа, несравненная».

Машина из Костаная мчалась на всех парах. Сотрудники ГАИ останавливали их ещё несколько раз, тщательно проверяли документы. Кое-как в сумерках доехали в аул.

– В любом случае сегодня хоронить уже поздно, темнеет, видимо, Аллах решил, что она должна хоть одну ночь переночевать в доме младшего сына, пусть же так и будет. Положите ее в правую половину комнаты, – дали указания местные имамы и сообщили собравшимся, что заупокойная молитва будет совершаться завтра в 10:00 утра.

Покойную занесли, и весь большой дом заполнили скорбящие голоса, причитающие каждый на свой лад. В какой-то момент собравшиеся успокоились и стали утешать сыновей и дочерей, невесток и других родственников покойной. «Керимбике была хорошим человеком. Аллах даровал ей легкую смерть, без нагрузки на родных. Так во сне и ушла...» – обсуждали между собой старушки аула. «Ниспослал бы и нам Всевышний такое благо», – говорили они.

И тут Керимбике, лежавшая в правой стороне комнаты, убрала с лица покрывавший ее белый саван и как ни в чём не бывало сказала:

– Ух, и душно мне, откройте же окно...

Сидевшая рядом старушка пыталась встать, причитая: «Господи, что это творится!» Затаившие от испуга дыхание люди начали восклицать: «Ожила!», «Боже, да она же живая!» и остолбенели, выкатив глаза.

Керимбике с удивлением оглядывала собравшийся люд.

– Эй, Балжан, ты ли это, когда приехала? Вы что, тоже приехали посмотреть на свёкра и свекровь Асемкуль? – А после обратилась к жене сына из

Костаная: – Акбота, доченька, в горле что-то пересохло, принеси-ка мне того чая, что мы пили...

Заупокойная была позабыта, и все гости дружно отправились в кафе отпраздновать воскрешение Керимбике. Старушка выслушала всё, что было, от начала до конца, сказала, что ничего не помнит, разве что сон, в котором она то ходила босиком по земле под ярким голубым небом, то ощущала, что взлетает в небеса, но в какой то момент почувствовала, что у нее пересохло в горле, и проснулась.

А сыновья и дочери радовались:

– Как хорошо, что мы получили свидетельство о смерти с запозданием. Если бы приехали раньше, так и похоронили бы матушку заживо. Уберег Всевышний, уберег!

Бабушка Керимбике слушает их и зовёт младшего сына:

– Торекбек, эй, Торекбек! Да где же он ходит? Скажите ему, пусть огородит мой участок земли и отметит его. Еще отдадут кому-нибудь.

Народ смеётся, тут же и шутники нашлись.

– Ты сперва помри, земля-то найдется! Три дня все на ушах ходили!

– Посмотрите на неё! Ожила, и как ни в чем не бывало сразу приказы раздаёт!

А Керимбике качает головой:

– Надо же, как неудобно получилось, что я ожила-то... – чем всех ещё больше рассмешила.

С тех пор Керимбике перестала ездить в гости к детям. «Один раз Аллах меня оживил, лучше мне в следующий раз быть готовой», – говорит она и не выезжает больше из аула.

*Подстрочный перевод с казахского
Гульмахиры Нурбеккызы,
художественный перевод
Татьяны Бакановой*

г. Астана

